

Воспоминания барабанщика
Nirvana и фронтмена **Foo Fighters**

Дэйв Грол

РАССКАЗЧИК

18+

Дэйв Грол
**Рассказчик. Воспоминания
барабанщика Nirvana и
фронтмена Foo Fighters**
Серия «Music Legends & Idols»

<https://litres.ru/68250128>

*Рассказчик. Воспоминания барабанщика Nirvana и фронтмена Foo
Fighters:*
ISBN 978-5-17-146242-0

Аннотация

Легендарный барабанщик Nirvana и фронтмен Foo Fighters впервые оглядывается назад, чтобы с юмором и самоиронией рассказать о самых трогательных, грустных и счастливых моментах своей жизни – о трагическом уходе Курта Кобейна, рождении второй дочери, о ноге, сломанной в самом начале концерта, домашнем ужине с Полом Маккартни и многом другом.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Посвящение	8
Введение	9
Часть первая	14
ДНК не лжет	15
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Дэйв Грол

**Рассказчик. Воспоминания
барабанщика Nirvana и
фронтмена Foo Fighters**

© 2021 by Dave Grohl

© Jacket design by Jeanne Reina

© Jacket photographs by Magdalena Wosinska/HarperCollins

Publishers

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Посвящение

Вирджинии Грол. *Без нее мои истории были бы совершенно другими.*

Джордин Блум. *Ты сделала мою историю интереснее и красивее.*

Вайолет, Харпер и Офелии. *Надеюсь, ваши истории будут столь же уникальны и прекрасны, как вы сами.*

Введение

Сделайте погромче

Иногда я забываю, что постарел.

Похоже, мой мозг просто надо мной издевается, давая ложное ощущение молодости и заставляя глядеть на мир через розовые очки глазами озорного мальчишки и радоваться мелочам.

Хотя достаточно всего лишь взглянуть в зеркало, чтобы вспомнить – я давно уже не тот мальчик с дешевой гитарой и стопкой пластинок, что часами упражнялся в одиночестве в надежде когда-то вырваться из маленького захолустного городка в штате Вирджиния. Нет. Теперь улыбка обнажает сколы на зубах, напоминая о годах работы с микрофоном, постепенно стирающим нежную зубную эмаль. Теперь зеркало отражает мешки под глазами – наследие многочасовых перелетов и бессонных ночей, когда, чтобы урвать у жизни столь ценный дополнительный час, в жертву приносился сон. В бороде проступает седина. И за все это я благодарен.

Когда-то давно меня пригласили выступить на благотворительном концерте «12-12-12» в поддержку пострадавших от урагана Сэнди. Концерт проходил в Нью-Йорке в Мэдисон-сквер-гарден. Лайн-ап¹ был эпохальный: Пол Маккартни, The Rolling Stones, The Who, Роджер Уотерс² – настоящие рок-идолы, не говоря уже о множестве других знаменито-

¹ Лайн-ап (англ. *lineup* – «список, перечень») – список артистов, заявленных на музыкальный фестиваль. – *Здесь и далее прим. редактора, если не указано иное.*

² Джордж Роджер Уотерс – британский рок-музыкант, основатель и фронтмен группы Pink Floyd.

стей. В какой-то момент ко мне подошел промоутер и спросил, не хочу ли я сфотографироваться за сценой с поклонниками, пожертвовавшими крупные суммы. Я с радостью согласился и, плутая за кулисами, представлял до отказа набитое помещение, где легенды рок-н-ролла (конечно же, все в черной коже и с британским акцентом) выстроились в линейку, как на школьную фотографию. Каково же было мое удивление, когда, войдя в комнату, я увидел только двух музыкантов в разных углах комнаты. Один блеснул, как новенькая машина из элитного автосалона. Идеально выкрашенные волосы, автозагар и недавно сделанные ослепительно белые зубы (очевидная попытка борьбы с возрастом дала противоположный эффект, напомнив старую стену с несколькими слоями краски). Другой же походил на потасканный винтажный гоночный автомобиль. Жесткие седые волосы, глубокие морщины, зубы, состоянию которых не позавидовал бы сейчас и Джордж Вашингтон, и черная футболка, так плотно облегавшая широкую грудь, что сразу становилось ясно – ему вообще похер на все.

Может, это клише, но в тот момент я увидел свое будущее. Прямо здесь и сейчас понял, что ждет в будущем меня. Я решил, что буду принимать свои годы со всем, что они приносят. Что я стану старым ржавым гоночным автомобилем, и неважно, сколько раз мне придется заглохнуть на этом пути. В конце концов, не всему в этом мире нужен лоск. Если пятьдесят лет хранить гитару Blue Gibson Trini Lopez в

футляре, она будет выглядеть так, будто только что сошла с конвейера. Но, если ее достать, показать солнцу, дать ей подышать, пролить над ней пот и слезы и, черт возьми, ИГРАТЬ на ней, через какое-то время она станет уникальной. Каждый инструмент стареет по-своему. По-моему, в этом и есть красота. Не в блеске сфабрикованной идеальности, а в истасканной дорогой и умудренной временем индивидуальности.

Удивительно, но память меня почти не подводит. С детства я мерил свою жизнь не месяцами или годами, а музыкальным развитием. Чтобы вспомнить конкретное время и место, мое сознание может полагаться только на песни, альбомы и группы. От радиовещания в 70-е до каждого микрофона, за которым стоял, я могу вспомнить, «кто», «что», «где» и «когда», с первых нот любой песни, которая сквозь динамики проникала прямиком в мою душу. Или, наоборот, из моей души – в ваши динамики. Некоторым воспоминания навевают запахи или вкус, кому-то для этого нужны зрительные образы. Мои же всегда связаны со звуком, играющим как неоконченный микстейп, ждущий отправки.

И хотя я никогда не был коллекционером в прямом смысле этого слова, я все же собираю мгновения жизни. И в этом смысле жизнь ежедневно проносится у меня перед глазами, как и в моих ушах. В этой книге я постарался запечатлеть некоторые из этих мгновений. Конечно же, эти воспоминания наполнены музыкой. И иногда они могут быть громки-

ми.

Так что сделайте погромче! Послушайте их вместе со мной.

Часть первая

Задавая тон

ДНК не лжет

«Папа, я хочу научиться играть на барабанах».

Я знал, что этот день настанет.

Передо мной стояла моя восьмилетняя дочь Харпер. Она смотрела на меня большими карими глазами, как Синди Лу Ктo из фильма «Гринч – похититель Рождества», и держала в маленьких ручках мои старые барабанные палочки. Мой средний ребенок, моя мини-версия, моя дочь, больше всех похожая на меня. Я всегда знал, что однажды она заинтересуется музыкой, но... барабаны? Далеко не самая престижная позиция в мире музыки.

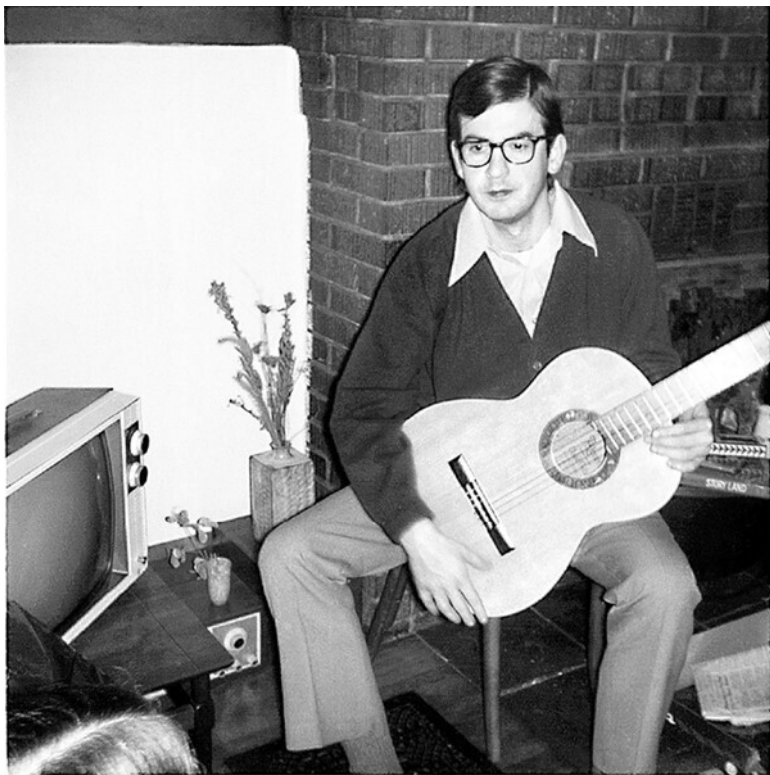
«На барабанах?» – спросил я, удивленно подняв брови.

«Да!» – пискнула она, улыбаясь во весь рот. Я почувствовал, как комок сентиментальности подкатывает к горлу, и спросил: «Ладно... И ты хочешь, чтобы я тебя научил?» Нервно переминаясь с ноги на ногу в своих клетчатых кедах от Vans, она застенчиво кивнула: «Ага». Меня захлестнула отцовская гордость, и я широко улыбнулся. Мы обнялись и, взявшись за руки, поднялись по лестнице в мой кабинет, где стояла старая барабанная установка. Это был слезливый момент, как с поздравительной открытки, из разряда сентиментальной рекламы во время Суперкубка (той, от которой даже самые суровые мужики рыдают прямо в свое ведро с острыми крылышками). Это то воспоминание, которое я буду

хранить всю жизнь.

Мы зашли в мой кабинет, и я вспомнил, что за всю жизнь не посетил ни одного урока игры на барабанах и, соответственно, понятия не имел, как научить кого-то на них играть. Ближе всего к организованному обучению музыке были несколько часов с потрясающим джазовым барабанщиком Ленни Робинсоном, за выступлениями которого я наблюдал каждое воскресенье в Вашингтоне в джаз-баре One Step Down. Это был крошечный клуб на Пенсильвания-авеню рядом с Джорджтауном – культовое место для гастролирующих музыкантов. Каждые выходные в нем проходили мастер-классы, на которых местный коллектив (под руководством легендарного джаз-музыканта из Вашингтона Лоуренса Уитли) сначала играл несколько сетов в темном, битком набитом помещении, а затем приглашал на сцену начинающих музыкантов на джем-сессию.

В 80-е, когда я был подростком, эти мастер-классы стали для нас с мамой воскресной традицией. Мы сидели за маленьким столиком, заказывали напитки и закуски, часами слушая, как играют мастера музыки, окунаясь в атмосферу потрясающей импровизационной свободы классического джаза. Никогда нельзя было предугадать, чего можно

ожидать за этими голыми кирпичными стенами в зале, окутанном клубами дыма, где не звучало ничего, кроме музыки с маленькой сцены (разговоры строго запрещались). Тогда мне было пятнадцать, я глубоко увлекался панк-роком и слушал самую быструю и громкую музыку, какую только мог найти. Но каким-то образом я прочувствовал джаз на эмоциональном уровне. В отличие от современной поп-музыки (от которой я в то время бежал в ужасе, как мальчик из фильма «Омен» от церкви) в композиции джаза присутствовал некий хаос, что придавало ему красоту и динамичность, – это меня очень привлекало. Иногда композиция была более структурированная, иногда структура практически отсутствовала. Но больше всего мне нравилось, как играл на ударных Ленни Робинсон. Было в этом что-то, чего я никогда не видел раньше на панк-рок концертах. Оглушающая экспрессия вместе с элегантной точностью. И у него это выглядело удивительно легко (теперь-то я знаю, насколько это трудно). Для меня это стало музыкальным откровением. Играть на барабанах я учился сам, на слух, отбивая ритм по разным подушкам в своей спальне. Никто никогда не учил меня, как играть «правильно», а как – «неправильно», поэтому моя игра на ударных была довольно «дикой» и нестабильной. Я был как бешеный барабанщик из «Маппет-шоу», разве что без бакенбард. У Ленни же, очевидно, было какое-то музыкальное образование, и я был в восторге от того, как он все держал под контролем. Моими «учителями» в те вре-

мена были кричащие, быстрые и диссонирующие виниловые панк-рок пластинки. Игру барабанщиков на этих пластинках мало кто назовет традиционной, но неотесанное великолепие их игры отрицать невозможно, и я всегда буду благодарен этим неизвестным героям андеграундной панк-рок сцены. Такие барабанщики, как Ивор Хансон, Эрл Хадсон, Джефф Нельсон, Билл Стивенсон, Рид Маллин, Д. Х. Пелигро, Джон Райт... (Список можно продолжать бесконечно.) Отголоски их работы до сих пор слышны в моей игре. Их след можно найти в композициях «Song for the Dead» Queens of the Stone Age, «Monkey Wrench» Foo Fighters и даже «Smells Like Teen Spirit» Nirvana (и это лишь несколько примеров). Все эти музыканты, казалось бы, были несказанно далеки от круга Ленни, но одно у них было общим: ощущение прекрасного, структурированного хаоса, которое меня так восхищало по воскресеньям в One Step Down. И именно его я стремился достичь в своей игре.

Однажды теплым летним вечером мы с мамой решили отпраздновать ее день рождения на очередном мастер-классе в клубе. Это быстро стало нашей традицией, о которой я и сегодня вспоминаю с теплотой. Никто из моих друзей не любил проводить время с родителями, а уж особенно в каком-то, мать его, джазовом клубе в центре Вашингтона, поэтому я сразу решил, что у меня крутая мама, и это еще больше укрепило нашу связь. Во времена Поколения X³, разво-

³ Поколение X – термин, применяемый к поколению людей, родившихся при-

дов и дисфункциональных семей мы были настоящими друзьями. И до сих пор ими остаемся. В тот день ее рождения после пары порций картошки фри и нескольких сыгранных сетов от квартета Лоуренса Уитли мама повернулась ко мне и спросила: «Дэвид, может, ты выйдешь на сцену и сыграешь в честь моего дня рождения?» Я не помню точно, что ответил, но уверен, что это было что-то в духе «ТЫ ЧТО, СПЯТИЛА?». В смысле я играл на ударных (подушках) всего пару лет, учился по старым поцарапанным пластинкам с панк-роком и даже БЛИЗКО не подошел к уровню, чтобы выйти и играть ДЖАЗ с этими монстрами. Просьба просто невообразимая. Это как если бы тебя бросили в клетку ко львам. Ни к чему хорошему это привести не могло. Но... это мама, и она была такой крутой, что вообще открыла мне это место, так что...

Неохотно, но я согласился и медленно встал из-за нашего маленького столика, протискиваясь сквозь толпу любителей джаза к заляпанному кофе листу для записи, который лежал рядом со сценой. В нем было две колонки: «Имя» и «Инструмент». Я просмотрел имена всех записавшихся – вероятно, уже состоявшихся музыкантов – и трясущейся рукой вписал: «Дэвид Грол – ударные». Казалось, что я подписываю себе смертный приговор. Как в тумане, я вернулся за столик (казалось, на меня смотрели все присутствующие), и тут же мои

рванные джинсы и панк-роковая футболка начали пропитываться потом. Что я наделал? Ничем хорошим это не кончится! Минуты тянулись как часы, один за другим на сцену выходили прекрасные музыканты и играли в этих почти святых стенах. Каждый прекрасно вливался в джазовый коллектив. Мне же с каждой секундой становилось все страшнее. От ужаса живот скрутило узлом, руки вспотели, сердце выпрыгивало из груди, и я изо всех сил старался уследить за зубодробительными музыкальными размерами, не представляя, как смогу соответствовать такому уровню мастерства. *Хоть бы я не был следующим, – думал я. – Господи, хоть бы не я...*

Вскоре из громкоговорителя протяжно раздался глубокий баритон Лоуренса Уитли, и я услышал слова, которые до сих пор приводят меня в ужас: «Дамы и господа, поприветствуйте... На барабанах... Дэвид Грол».

Я нерешительно встал под вялые аплодисменты, которые, впрочем, утихли, как только публика увидела, что перед ними явно не маститый джазовый музыкант, а тощий подросток из захолустья со странной прической, в грязных «конверсах» и футболке с панк-группой Killing Joke. Пока я шел к сцене, в глазах музыкантов стоял такой ужас, что казалось, будто к ним приближается сама смерть с косой. Я поднялся на сцену, великий Ленни Робинсон протянул мне свои палочки, и я осторожно сел на его трон. Впервые я увидел клуб так, как видит его Ленни. Больше я не мог прятаться за на-

шим с мамой столиком с закусками – теперь я был в центре событий, оцепенев под светом софитов. Взгляды публики были устремлены на меня, будто говоря: «Ну давай, парень. Покажи нам, на что ты способен». После простого отсчета музыканты начали играть то, что я раньше никогда не играл (то есть в принципе любую джазовую композицию). Моей главной задачей было держать ритм и не свалиться в обморок прямо на сцене. Никакого соло, ничего такого. Просто держи ритм и не обделайся. Слава богу, все закончилось быстро (без обмороков) и даже без происшествий. В отличие от других музыкантов, выступавших в тот вечер, мне досталась на удивление короткая композиция (хотя это явно было не случайно). Облегчение, которое я испытал, можно сравнить с чувством после удачно завершившейся операции. С пересохшим горлом я поблагодарил музыкантов, нервно улыбнулся и неуклюже поклонился. Если бы они знали, почему я вышел на сцену, они бы поняли, почему я пошел на этот отчаянный шаг. Сами того не зная, они позволили мне сделать маме подарок на день рождения, который она никогда не забудет (правда, за счет примерно семидесяти пяти несчастных посетителей), и это значило для меня больше, чем самые бурные овации, о которых я только мог мечтать. Смущенный, я вернулся за наш столик, думая о том, что еще совсем нескоро смогу называть себя настоящим барабанщиком.

Этот вечер зажег во мне огонь. Вдохновленный провалом,

я решил, что мне нужно научиться играть на ударных у того, кто на самом деле умеет это делать (а не упрямо пытаться самостоятельно разобраться, изучая записи на полу своей комнаты). На ум мне приходил только один человек – великий Ленни Робинсон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.